

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ

УДК 338
© 2015 г.

*И.П. Добаев,
О.С. Черевков*

**СЕТЕВЫЕ ВОЙНЫ В ЧЕРНОМОРСКО-
КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ:
УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ¹**

Добаев Игорь Прокопьевич – доктор философских наук, профессор Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: dobaev@gmail.com

Черевков Олег Сергеевич – магистрант Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: cherefkoffos@yandex.ru

---

Аннотация. В статье рассматривается воздействие на политические процессы в Черноморско-Каспийском макрорегионе войн эпохи постмодерна – так называемых сетевых войн. Доказывается основополагающее внешнее геополитическое воздействие на их инициацию, а также антироссийская направленность. Показывается тесная взаимосвязь между различными антироссийскими геополитическими проектами, включая либерально-западный и радикальный исламистский.

Ключевые слова: Черноморско-Каспийский регион, сетевые войны, Большой Ближний Восток, украинский кризис, «цветные революции».

Турбулентность современных политических процессов в мире и его регионах обусловлена крушением ялтинско-потсдамской модели

---

¹ Статья выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № 213.01-07-2014/15ПЧВГ «Угрозы национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции и модели агрессивного и враждебного поведения молодежи».

международных отношений и стремлением Запада создать новую систему, призванную обслуживать его интересы. В этих целях активно используется процесс глобализации, который следует понимать как реально осуществляющийся курс по навязыванию всем странам и государствам мира западного экономического, культурного, технологического и информационного кода. Экономически такая глобализация настаивает на повсеместном утверждении либеральной модели экономики, радикального монетаризма, «финансизма» Российской Федерации (развитие фондовых рынков, венчурных фирм и т.д.). Политически она утверждает необходимость повсеместного утверждения светского либерально-демократического устройства, доминацию идеологии прав человека, открытого общества, гражданского общества при неуклонном сокращении роли государств на международной арене и во внутренней политике. Стратегически эта глобализация означает прямой контроль Вооруженных сил США и их партнеров по НАТО над всем пространством планеты. Такую глобализацию можно назвать однополярной, поскольку предполагается, что единственным субъектом мировой политики должен стать современный Запад, один из двух полюсов предыдущей биполярной системы, одержавший победу в холодной войне.

В рамках же другой модели многополярного мира процесс глобализации мыслится как развитие диалога культур и цивилизаций после окончания блокового противостояния эпохи холодной войны. Здесь под глобализацией понимается не навязывание Западом единой экономической, культурной, политической, информационной, ценностной модели всем остальным, но глобальный обмен опытом, интенсивный диалог различных субъектов международных отношений. Такая глобализация предполагает изживание колониального подхода, стремится предоставить различным народам полную свободу для выбора пути исторического и культурного развития. Она допускает многообразие социально-политических и экономических систем, носит пацифистский, миролюбивый характер. Несовпадение интересов и видения перспектив установления новой системы международных отношений ведет к конфликтам как в мировом, так и региональном масштабе. Одной из таких зон выступает Черноморско-Каспийский регион, органично включающий в себя три субрегиона – Причерноморье, Кавказ и Юг России, а также Прикаспий. Методологически важно подчеркнуть периферийность этого региона, прежде полностью включенного в состав Российской империи и Советского Союза, а сегодня

раздробленного, состоящего из ряда постсоветских государств, а также мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока.

Еще раз подчеркнем, что основное противоречие современности заключается в непрекращающихся попытках Запада во главе с США установить новый порядок во всем мире, однако здесь они сталкиваются с сопротивлением других стран, выступающих за многополярность в международных отношениях. Для реализации своих глобальных устремлений Запад разрабатывает все новые геополитические мегапроекты. Одним из таких проектов, оказывающих непосредственное негативное влияние на процессы в Черноморско-Каспийском регионе, является Большой Ближний Восток (The Greater Middle East). Он был подготовлен весной 2004 г., а уже в июне обнародован экс-президентом Соединенных Штатов Джорджем Бушем на Стамбульском саммите НАТО; в это время уже полным ходом шли войны в Афганистане и Ираке, развязанные американцами. В 2006 г. повсеместно и в Интернете можно было обнаружить переформатированную карту современного Ближнего Востока, подготовленную неким Ральфом Петерсом, отставным американским военным разведчиком.

Американский проект Большого Ближнего Востока основан на геополитической концепции американских правых неоконсерваторов о необходимости определения нового «глобального врага». После краха СССР и резкого ослабления России Соединенным Штатам понадобился новый претендент на роль «империи зла», и она постепенно отошла исламскому миру. Демонизации мусульман способствовали теракты радикальных исламистов 11 сентября 2001 г.: реальность трагедии подтверждала теоретические разработки неоконсерваторов. Четче других эту позицию сформулировал влиятельный в республиканских кругах неоконсервативный теоретик Майкл Ледин. Его мысль сводилась к следующему: «современный исламский мир – это новое издание фашизма», но «фашизм играет без правил», следовательно, победить «фашизм» (т.е. исламский мир) можно только с помощью крайне жестких и агрессивных действий, попирающих ради «благих» целей некоторые основополагающие нормы демократии. С начала 90-х Майкл Ледин настаивал на американском вторжении в Афганистан и Ирак, на объявлении войны Ирану, Сирии, Ливану, а в перспективе – даже Саудовской Аравии. События 11 сентября сделали Ледина «политическим пророком» американских ястребов-республиканцев.

Смысловое наполнение концепции Большого Ближнего Востока заключается в следующем: прямое силовое вторжение американской военной и политической системы в исламский мир; свержение режи-

мов в мусульманских странах, отказывающихся активно сотрудничать с США; военные действия против Ирана, Сирии, Ливана, позже Саудовской Аравии; жесткое подавление в исламских странах, лояльных Вашингтону, любых признаков политической оппозиции. Таким образом, указанный геополитический мегапроект можно рассматривать как прямое объявление войны всему исламскому миру, чьи политические режимы – как радикальные, так и умеренные и даже относительно проамериканские – оказываются в такой ситуации «козлами отпущения» и «зданиями, подлежащими сносу». Разумеется, для России этот проект абсолютно неприемлем, поскольку он предполагает усиление прямого американского влияния на постсоветском пространстве – в Центральной Азии, на Кавказе (Южном и Северном), в Северном Причерноморье.

Силовое переформатирование Ближнего Востока по американской инициативе не заставило себя долго ждать. Драматические события, начавшиеся в декабре 2010 г. с массовых протестов в Тунисе и впоследствии получившие название «арабская весна», стали возможны, прежде всего, в связи с накоплением критической массы внутренних конфликтогенных факторов во многих государствах Северной Африки и Ближнего Востока [13]. Вместе с тем, по нашему мнению, «арабская весна» представляет собой цепь «цветных революций» – прозападных, а чаще проамериканских переворотов, инспирируемых в той или иной стране в интересах Запада (США) с использованием инструментария сетевых войн. Важным субъектом «цветных путчей» выступает внешний игрок, опирающийся на уже созданные внутри той или иной страны западные и прозападные неправительственные организации. Внешний игрок во всех известных «цветных революциях» даже в роли собственно наблюдателя оказывал воздействие на происходящие преобразования и организовывал широкую общественную и дипломатическую поддержку путчистам. Он непосредственно или косвенно участвовал как в нейтрализации власти (принуждая отказываться от активного противодействия), так и в стимуляции и организации действий оппозиции [6, с. 115]. Спектр его действий достаточно широк: от проведения информационно-психологических войн – через использование экономических рычагов и санкций – до непосредственного участия в боевых действиях. Все эти элементы сетевых войн были применены Западом в ходе начавшегося переструктурирования Арабского Востока.

Начиная с 1970-х гг. особенностью общественно-политических процессов на Ближнем Востоке и в Северной Африке являлся рост

влияния политического ислама. Теперь, пройдя период созревания, в ответственный момент исламисты показали себя наиболее организованной силой, которая претендует на то, чтобы определять будущее региона [2]. Ликвидация светского режима Саддама Хусейна в Ираке, создание палестинского исламистского квазигосударства в секторе Газа под властью ХАМАС, рост популярности шиитской «Хизбаллы» в Ливане, ликвидация в ходе «арабской весны» светских режимов в Тунисе, Египте, Ливии, возможное свержение или же серьезное ослабление Башара Асада в Сирии внесли серьезные деформации в региональный политический процесс. Ситуацию здесь усугубляет наличие застарелых проблем, в числе которых конфликты между Палестиной и Израилем, Северным и Южным Суданом, курдский сепаратизм, напряженность в Афганистане (которая усилится после вывода основной массы войск США), нестабильность в Пакистане и т.д.

В Сирии с марта 2011 г. продолжается гражданский конфликт, в котором режиму Б. Асада противостоят вооруженные оппозиционные группировки, в основном представленные радикальными исламистами, многие из которых являются наемниками из арабо-мусульманских стран и мусульманской диаспоры в Европе, в том числе боевиками «Аль-Каиды». Активную помощь в их подготовке, финансировании и вооружении оказывают монархии Персидского залива, Турция и ведущие страны НАТО. Так, в Турции находится центр по подготовке сирийских боевиков, военным обучением которых занимаются турецкие офицеры. Вооружение боевиков финансируется Катаром и Саудовской Аравией. В распределении оружия принимают участие сотрудники ЦРУ, специально направленные в Турцию [2]. Одновременно США и ЕС в борьбе против Б. Асада пытаются использовать международную террористическую сеть «Аль-Каида». Одной из таких структур является ныне широко известная террористическая группировка, контролирующая часть территории Ирака и Сирии, под названием «Исламское государство» (ИГ).

ИГ возникло в 2006 г. в период оккупации Ирака войсками США и их союзников. В то время эта суннитская исламистская группировка называлась «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) и ставила своей целью борьбу с оккупационными силами (Левант является латинским переводом арабского географического названия Аш-Шам, обозначающего современные Сирию, Ливан, Палестину и часть Иордании). После начала гражданского конфликта в Сирии в 2011 г. часть формирований ИГИЛ вошла на сирийскую территорию и присоединилась к действиям вооруженной сирийской оппозиции против прави-

тельственной армии. Боевики ИГИЛ захватили на территории Сирии часть отдаленной провинции Ракка, где объявили о введении законов шариата. Характерно, что действия ИГИЛ, как и других оппозиционных сил, в то время поддерживались странами НАТО и монархиями Персидского залива, выступавшими за свержение президента Б. Асада.

В августе 2014 г. боевики ИГИЛ, используя недовольство части суннитских племен на севере Ирака преобладанием шиитов в руководстве страны и ущемлением прав суннитов, вмешались в конфликт между суннитской общиной и правительством Нури аль-Малики, предприняли успешное наступление вглубь Ирака и захватили ряд городов, в том числе второй по величине иракский город Мосул. В захваченных районах ИГИЛ начало практиковать репрессии и террор по отношению к этническим и конфессиональным меньшинствам (курдам, мусульманам-шиитам, езидам, христианам). Боевики ИГИЛ даже пытались распространить свое наступление на Ливан, угрожали Иордании. Через некоторое время эта террористическая группировка провозгласила на захваченных территориях Ирака и Сирии ИГ, руководителем которого был объявлен лидер ИГИЛ Абу Бакр аль-Багдади.

Стремясь к развитию военного успеха, боевики ИГ предприняли наступление в направлении Киркука в районе нефтяных месторождений Иракского Курдистана, но были остановлены курдскими вооруженными формированиями пешмерга. Ведущие страны НАТО во главе с США заявили о своей поддержке курдов в их противостоянии с ИГ и приступили к поставкам военного снаряжения в Иракский Курдистан, который после краха режима Саддама Хусейна получил широкую автономию и де-факто (но не де-юре) является самостоятельным государственным образованием. В настоящее время США, Евросоюз и Израиль фактически подталкивают курдов к независимости, планируя превратить будущее независимое курдское государство во влиятельную прозападную силу в регионе. Военно-политическая поддержка Западом курдов в их противостоянии с ИГ обусловлена также тем, что наступление ИГ угрожает нефтеносному району Киркука и городу Эрбиль, столице Курдистана, где находятся представительства многих западных компаний.

Как следствие, Вашингтон и Лондон заявили о начале бомбардировок территорий, контролируемых ИГ, а также о создании коалиции из 40 государств (участие в коалиции Ирана и Сирии инициаторами ее образования исключается) для борьбы с этой группировкой. Одновременно США подвергают бомбардировке позиции ИГ не только на территории Ирака, но и Сирии, причем без ведома официальных властей

этих стран. Таким образом, совершенно очевидно, что все действия США в плоскости борьбы с ИГ подтверждают неизменность целей американской политики в регионе: свержение режима Башара Асада в Сирии, приведение к власти в Ираке сил, враждебных Тегерану и Дамаску, максимальное ослабление Ирана и шиитского движения «Хизбалла» в Ливане, а в перспективе продвижение джихада к границам России. При этом в Вашингтоне рассчитывают, что украинский кризис отвлечет силы Москвы и ограничит ее возможности поддерживать дружественные России правительства на Ближнем Востоке.

Кризис на Украине, имеющий сильное внешнее измерение, исподволь подпитывался рядом внутренних факторов. Важнейшие среди них – системная коррупция и чрезвычайно влиятельная олигархическая прослойка, действующие в интересах Запада на украинской территории СМИ, наличие огромного числа западных и прозападных НПО, НКО, фондов, мониторинговых сетей и т.д. Вследствие мощного синергетического воздействия внешних и внутренних факторов на Украине произошел государственный переворот, который осуществлялся «глубинным государством», созданным и финансируемым США и ЕС. Ударной силой переворота стала несколько десятилетий создававшаяся Западом на Украине – как и в Европе, на Ближнем Востоке и на постсоветском пространстве – сеть националистических и неонацистских организаций, призванная придать процессу разрыва экономических, политических и социальных связей Украины с Россией и Таможенным союзом необратимый характер [9], навеки оторвать Украину от России.

Все последние годы Украина целенаправленно поддерживалась американцами в состоянии «перманентной революции». Как подчеркивают иранские эксперты, и мы с ними солидарны, современная ситуация вокруг Украины предельно ясна: нынешний режим в Киеве и его сторонники, опираясь на США и НАТО, нарушили основополагающий принцип демократического управления, совершили государственный переворот и неконституционно отстранили от власти демократически избранного президента. Украина стала очередным инструментом в борьбе Запада за мир без России. Речь не идет о создании политического порядка и стабильности в стране, Украина стала полем битвы для жестокого геополитического соперничества Вашингтона с Москвой. События в Киеве, по оценкам иранских властей, являются результатом попыток США и НАТО перекрыть зону своего влияния, игнорируя то, что Украина исторически всегда входила в сферу жизненно важных интересов России. Таким образом, иранские аналитики

приходят к выводу, что «главным дестабилизирующим фактором является однополярный мир... а Америка остается верна себе в непомерном высокомерии и лживой трактовке происходящих в Украине событий, пытаясь в глобальном противостоянии с Россией перетянуть на свою сторону как можно больше государств», придерживаясь стратегии дальнейшего продвижения НАТО на Восток [1].

Как следствие, центробежные процессы на Украине позволили Крыму вернуться в состав России, а на территории Донецкой и Луганской областей, провозгласивших независимость, развернулись ожесточенные бои, усугубившие не только внутривосточную ситуацию на Украине, но резко осложнившие обстановку как минимум во всем Северном Причерноморье. Так, президент частной разведывательно-аналитической компании Stratfor Джордж Фридман в своей статье «Украина, Ирак и черноморская стратегия» настойчиво проводит мысль о том, что американские стратеги должны перестать рассматривать Украину и Ирак с Сирией как отдельные театры военных действий и взглянуть на них как на компоненты единого театра, центром которого является Черное море [12]. В этом театре, по мнению Фридмана, у США есть два противника – Россия и ИГ, которые одновременно являются противниками и между собой. Однако, являясь противниками, и Россия, и ИГ стремятся к тому, чтобы переключить внимание американцев друг на друга, а значит, приветствуют военные успехи друг друга, увеличивая угрозы американским интересам и вынуждая США расплыть свои силы. При этом сама Америка не намерена использовать свои вооруженные силы в сколько-нибудь серьезных масштабах; своих целей она собирается добиваться за счет изменения региональных балансов сил и вооружения союзников, ключевыми из которых, по мнению Фридмана, являются Турция и Румыния.

На самом деле, как считают некоторые отечественные политологи, ИГ является ценным союзником Соединенных Штатов в их стремлении создать на Ближнем Востоке крупный очаг хаоса, откуда потом нестабильность будет перекидываться в Европу, Россию, Китай и любой другой регион, который американцы вознамерятся ослабить. Отсюда следует, что американская элита переходит к осмыслению текущих и грядущих событий в терминах мировой войны. В таком ходе мыслей американских стратегов нет ничего нового: предыдущий мировой финансово-экономический кризис, сравнимый по масштабу с нынешним, как раз и был разрешен мировой войной. Мировая война позволяет победителю перекроить политическую карту мира, захватить новые рынки, списать старые долги, а их у Америки немало,

установить новые правила игры в международной политике и экономике. Последнее является для США сейчас самым главным, так как в рамках действующих правил, установленных когда-то ею же самой, Америка уже не может поддерживать свое господствующее положение в мире и стоит перед перспективой появления нового гегемона в лице Китая [3].

Многочисленные вызовы, риски и угрозы для национальной безопасности России фиксируются и в других субрегионах Черноморско-Каспийского макрорегиона – в Прикаспии и на Кавказе (Южном и Северном).

В официальных документах США Каспий замелькал еще с 1997 г., когда авторы доклада «Стратегия национальной безопасности в новом веке» Совета национальной безопасности открыто заявили: «В зону энергетической безопасности США входит Каспийский бассейн с потенциалом нефтяных запасов в 200 миллиардов баррелей». Потом были «Стратегия-98» и «Стратегия-99», где выводы о важности американского контроля повторялись практически слово в слово [11]. К проработке планов установления контроля над Каспием привлекались значительные политические и интеллектуальные ресурсы США. В их числе были такие «мозговые тресты», как Фонд наследия, корпорация «Рэнд», Центр национальной безопасности Гудзоновского института, Институт национальной стратегии Университета национальной обороны, Совет национальной безопасности, Совет национальной обороны, Центр по международной безопасности и контролю за разоружением, Центр политической безопасности и др. Теоретическая задача установления контроля над Каспием и расширения там американского присутствия подкреплялась соответствующей политической практикой – дипломатической и военной.

Следует учесть, что Каспий как политико-географическое и геостратегическое понятие занимает в структуре международных отношений достаточно специфическое место. Наряду с привычным экономическим значением – как источник энергоресурсов и узел их транспортировки – для ряда стран он представляет еще и политическую и военно-стратегическую значимость. Без преувеличения можно сказать, что реальные или перспективные запасы нефти и газа в регионе для США, их союзников по НАТО и региональных союзников в ранге «особых партнеров» имеют меньшее значение, чем его геостратегическое значение в качестве точки, позволяющей существенно расширить зону своего влияния и, разумеется, ослабить своих глобальных соперников – Китай и Россию, а также и регионального геополитического

игрока – Иран [10]. Иными словами, Каспий превратился в зону геополитических интересов и геостратегического соперничества трех мировых держав – Соединенных Штатов, Китая и России.

Уже с 1994 г. Пентагон стремится установить «особые отношения» с политическими элитами прикаспийских государств, заявившими о «многовекторности» своей внешней политики. Так, в том же 1994-м Казахстан был приглашен к участию в программе НАТО «Партнерство ради мира», предоставившей Астане право на участие в военных учениях США и Североатлантического альянса. В рамках этой программы, например, в феврале 2002 г. в Казахстан прибыли 200 американских военнослужащих для обучения горнострелкового подразделения. В последующем наработанный и обобщенный в полевые наставления «среднеазиатский» опыт пригодился американской армии при проведении воздушно-десантных операций на севере Ирака в марте 2003 г.

Однако главными инструментами контроля для США являются не «партнерские» программы, а военные базы, создание которых на Каспии стало основной задачей их внешней и военной политики. По мнению разработчиков «плана контроля над Каспием», военное присутствие в регионе позволило бы США значительно усилить там свое влияние и активно «работать» с российским Кавказом. Одновременно замыкалось бы кольцо вокруг Ирана. Оптимальным местом американского военного присутствия был признан полуостров Мангышлак [11]. Безусловно, реализации американских планов способствовало и до сих пор способствует неурегулированный прикаспийскими государствами (Азербайджан, Казахстан, Иран, Россия, Туркменистан) правовой статус Каспия.

Во время визита в Казахстан в апреле 2002 г. Дональда Рамсфельда казахское военно-политическое руководство дало понять главе Пентагона, что оно заинтересовано в развитии тесных связей не только с Россией и с Китаем, но и с США. Министр обороны Мухтар Алтынбаев в контексте «многовекторной» внешней политики Казахстана заявил, что Астана готова предоставить в распоряжение сил натовской коалиции три военные базы. Развитию поступательного процесса в американо-казахстанских отношениях помешали не столько позиция Китая и России, сколько надвигающийся финансовый кризис. С учетом военного присутствия в Афганистане и Ираке, наметившихся серьезных проблем в экономике и разногласий со своими союзниками по НАТО США не смогли выделить необходимый для этой операции финансовый ресурс. Однако эта угроза не исчезла, а была

только отложена. Очередная война с международным терроризмом, эскалацию которой мы наблюдаем в последнее время и ведение которой обсуждалось на недавно завершившемся саммите НАТО в Нью-порте, означает новый этап активизации усилий США на этом направлении.

В последние годы, публично ослабив свои усилия в отношении Казахстана, свое внимание американский истеблишмент обратил на Азербайджан и Туркмению. Азербайджану США и НАТО отводят особую роль на Каспии. В частности, помощник госсекретаря США по делам Европы и Азии Дэниел Фрид заявил о том, что «успешное стратегическое сотрудничество между США, Турцией и Азербайджаном позволило перейти к созданию энергетической инфраструктуры нового поколения в Южном коридоре, которая поможет Европе диверсифицировать каналы энергоснабжения, полагаясь на азербайджанские и вообще каспийские энергоресурсы, в конечном счете доставляемые через Турцию» [7].

Неслучайно поэтому патронаж над реформированием азербайджанской армии взяла на себя Анкара. В настоящее время в рамках НАТО реализуется восемь программ. В их число входят борьба с терроризмом, охрана водного и воздушного пространства, в особенности каспийского шельфа. Предусматривается модернизация ряда военных аэродромов. Ведется работа по созданию американских военных баз (в Кюмдамире, Насосной, Гюлли), на которых будут размещены силы специального назначения. Одной из задач этих сил станет охрана нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан. Кроме того, для контроля Каспийского региона в 2003 г. была принята программа создания специальной структуры – «Каспийский страж», основу которой должны составлять американские мобильные силы и подразделения стран – участниц западных энергетических проектов. Эта программа предполагает формирование подразделений специального назначения и полицейских сил в прикаспийских странах для быстрого реагирования на возникающие чрезвычайные ситуации и осуществление пограничного контроля. Примечательно, что США и Турция не только планируют проводить подготовку воинских контингентов прикаспийских государств (на сегодня речь идет о Казахстане и Азербайджане), но и оказывать различные виды экономической и политической помощи. Последнее обстоятельство подстегивает некоторых азербайджанских политиков к принятию формулы «одна нация – единая армия». С предложением объединить армии двух стран недавно выступила группа депутатов меджлиса Азербайджана, мотивируя свое требование преце-

дентом подписания аналогичного соглашения между Молдавией и Румынией.

Следует подчеркнуть, что, по мнению российских военных аналитиков, позиция США и Турции по Каспийскому региону легко вписывается в концепцию наличия «передовых операционных баз», которая предполагает режим неполной загрузки с ограниченным американским военным контингентом, сменяемым на ротационной основе, и минимальным комплектом оборудования. Приоритетной задачей является проведение учений и подготовка вооруженных сил союзников. Как известно, для этих целей США планируют привлечь 3-ю воздушно-десантную группу специального назначения, дислоцированную в Форт-Брэгг (Северная Каролина), которая уже много лет участвует в военных операциях в Афганистане [7].

Туркмения также превратилась в настоящее поле борьбы, на которой китайские и западные энергетические компании сошлись в полномасштабной тайной войне. Весьма показательна в этом отношении история с поддержанными Западом планами Ашхабада проложить по дну Каспийского моря трубопровод длиной 300 км, который бы соединил порт Туркменбаши (бывший Красноводск) на западе страны с терминалом в районе Баку. Вполне естественно, что против реализации этого проекта выступили Россия, Иран и Китай. Иран как крупнейший производитель природного газа, безусловно, отстаивает свои национальные интересы. Энергетическая политика России ориентирована на обеспечение ей прямого доступа к потребителям энергоресурсов на территории евразийского материка и создание общего энергетического консорциума с другими энергодобывающими державами региона. КНР, в свою очередь, совершенно не устраивает то, что туркменский газ в больших объемах пойдет на Запад. Тем более что, несмотря на заверения Ашхабада о том, что к 2020 г. страна сможет производить 155 млрд кубометров газа, оценка Международного энергетического агентства в два раза меньше. Что касается позиции США по этому вопросу, то для них важно, чтобы энергоносители в Европу, Турцию и даже в Китай поступали из тех месторождений, которые контролируются американцами, или как минимум трубопроводы проходили через страны, стратегически лояльные США. Эту лояльность и обеспечивает военное присутствие США в том или ином регионе, для достижения чего американцы используют любые средства и методы. В частности, два года назад Вашингтон уже дал понять Ашхабаду свою заинтересованность в использовании крупного порта Туркменбаши, где когда-то находилась база Военно-морского флота СССР на Каспии –

для целей «миротворчества в Афганистане». Официальный Ашхабад намек проигнорировал, и тогда началась подготовка к дестабилизации страны, ударной силой в которой должны были выступить отряды боевиков, базирующиеся на территории соседнего Афганистана. Как следствие, в конце мая 2014 г. прошла очередная «разведка боем»: афганские боевики в течение нескольких дней пытались прорваться сразу на нескольких участках туркменской границы. Внезапно вспыхнув, бои столь же внезапно завершились, но в афганские лагеря боевиков на границе с Туркменией продолжает прибывать пополнение, создаются запасы оружия и боеприпасов, идет формирование подполья на туркменской территории, которое должно выступить в час икс. Шансов выстоять у Ашхабада почти нет, и выбор ограничивается двумя вариантами: либо идти «под крыло» западной «антитеррористической коалиции» и разместить на своей территории «контингент миротворцев», либо стремиться к получению гарантий своего нейтралитета от России и Китая [11].

Вместе с тем на динамику развития ситуации в Каспийском регионе серьезное влияние оказывает ход событий в оккупированном войсками США и их союзников Афганистане, где уже более 30 лет идет непрекращающаяся гражданская война. 29 сентября 2014 г. состоялась инаугурация нового президента Афганистана – Ашрафа Гани Ахмадзая, который согласился с созданием в стране правительства национального единства и разделом власти со своим конкурентом на скандальных президентских выборах – бывшим министром иностранных дел ИГА Абдулло Абдулло. Уже известно, что первым шагом нового президента стало подписание двустороннего соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности между Вашингтоном и Кабулом, призванном обеспечить «законные основания» для дальнейшего американского присутствия в Афганистане. Небезынтересно, что Ашраф Гани входит в группу пуштунских лидеров, которые в 70-е гг. по стипендиям Агентства США по международному развитию обучались в Американском университете в Бейруте, затем работали во Всемирном банке и других международных организациях. Более того, новый афганский президент – гражданин США, является креатурой Вашингтона. В этой связи риски и угрозы для национальной безопасности России с афганского и среднеазиатского направления существенно возросли. Для нас важны не собственно внутривнутриполитические процессы в Афганистане, а присутствующие на территории этого государства среднеазиатские террористические группировки, которые располагают в постсоветских республиках региона серьезной подпольной сетью

своих сторонников и стремятся к созданию подобных нелегальных сетей на всей территории нашей страны. Своим достаточно благополучным существованием на афганской территории эти группировки финансово и организационно обязаны в первую очередь спецслужбам США, активно насыщавшим их своей агентурой. И время отработать свое предназначение, как представляется, не заставит долго ждать [8]. В итоге смена президента в Афганистане к безопасности региона имеет весьма отдаленное отношение. Реальная же опасность «афганского узла» заключается, прежде всего, в американском присутствии в этой геостратегически важной точке. В этой связи России придется военными и полицейскими мерами укреплять свой южный фланг, повышать эффективность ОДКБ, развивать двусторонние военные связи с Узбекистаном, сотрудничать на афганском направлении с Китаем, со всеми прикаспийскими государствами. Достижение между ними более глубокого взаимопонимания по ключевым вопросам международной и региональной повестки дня, повышение взаимной предсказуемости перед лицом общих вызовов, рисков и угроз приобретают особую актуальность. Следует подчеркнуть, что в ближайшем будущем четыре из пяти государств Каспия (Россия, Казахстан, Иран и Туркмения) будут так или иначе вовлечены в деятельность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – глобальной организации, имеющей конкретную стратегию и четкие механизмы по финансированию своих проектов. Это может изменить большинство геополитических и экономических вопросов, стоящих перед Каспийским регионом.

Некоторые региональные эксперты считают совершенно необходимым и крайне актуальным, не дожидаясь завершения переговорного процесса по определению правового статуса Каспия, инициировать широкое обсуждение и проработку межгосударственной «Стратегии и тактики обеспечения безопасности Каспийского региона», которая бы была взята за основу внешней политики как стран региона, так и стран, имеющих здесь серьезные экономические интересы и заинтересованных в безопасности собственных инвестиций, ресурсных и логистических проектов [10]. В качестве основных принципов данной стратегии должны стать следующие ключевые положения:

- недопустимость военного присутствия в Каспийском регионе внерегиональных держав;
- региональный контроль над процессами количественного и качественного роста военного потенциала «каспийских группировок» вооруженных и военно-морских сил прикаспийских государств;

– широкая кооперация «полицейских усилий» прикаспийских государств в вопросах ликвидации возможного проникновения и присутствия трансграничных террористических организаций в общую для наших стран «каспийскую сферу безопасности»;

– расширение государствами региона экономического сотрудничества со всеми внешними акторами;

– создание системы регионального межгосударственного контроля за экологическими и иными факторами риска, в том числе в вопросах промышленной безопасности эксплуатации энергетических и иных ресурсов Каспия.

Что касается Кавказа, то его территория также вовлечена в «большую шахматную игру» [5]. Признанные суверенные государства Южного Кавказа (Грузия, Азербайджан, Армения) следуют отличающимися друг от друга внешнеполитическими курсами. Грузия последовательно реализует курс на евроинтеграцию и вступление в НАТО. Новым шагом является попытка оборонной кооперации на региональном уровне, включающем Грузию, Азербайджан и Турцию, и также связанной с НАТО. При этом каждая из сторон видит в нем свои плюсы: Грузия – защиту от «российской угрозы», Азербайджан – изоляцию Армении в случае обострения конфликта в Нагорном Карабахе, Турция – закрепление своего влияния в Закавказье.

Азербайджан балансирует между Вашингтоном и Москвой, с особой близостью к Турции, натянутыми остаются отношения с Ираном (проблема Южного Азербайджана), проблема Карабаха остается травмой для национального самосознания. Дестабилизация общей мировой ситуации вызывает у Баку желание усилить региональное сотрудничество с Грузией и Турцией, в том числе и в области обороны и безопасности. Вместе с тем отношения с Евросоюзом неровные, что обусловлено критикой официального Баку со стороны ЕС по фактам нарушения прав человека в Азербайджане и недостаточно четкой позицией европейцев по поддержке Азербайджана в ситуации обострения нагорнокарабахского конфликта. Вместе с тем официальный Баку поддерживает тесные контакты с НАТО, а экономические связи в ЕС являются сегодня доминирующими и определяющими.

Армения ориентирована на Россию, развивает отношения с Ираном, есть трения с Турцией. Армения – член ОДКБ, на ее территории находятся российские военные базы и российские военнослужащие. В настоящее время в практической плоскости находится вопрос о вступлении Армении в Евразийский союз. В то же время в Армении имеется либеральная оппозиция, активность которой подпитывается не только

Западом, но и тяжелым социально-экономическим положением населения.

Частично признанные государства Южного Кавказа (Абхазия и Южная Осетия) ориентированы на Россию, с ее военной и финансово-экономической помощью решают вопросы своей безопасности и социально-экономического роста. До сих пор не признанный на международной арене Нагорный Карабах стремится стать суверенным, независимым государством.

На Северном Кавказе осуществляется целый ряд антироссийских геополитических мегапроектов, среди которых эксперты выделяют три наиболее опасных для национальной и региональной безопасности России – западный (прежде всего, американский), арабо-исламистский (ваххабитский) и туранский (турецкий) [4]. Ведущим выступает западный проект, а два других, несмотря на относительную автономность, активно поддерживаются США и их союзниками. В результате в регионе постоянно подогреваются сепаратизм, национализм, религиозный фанатизм, подолгу сохраняются очаги напряженности, взаимные территориальные претензии и т.д. Особенно активно в последние полтора десятилетия здесь эксплуатируется религиозно-этнический фактор.

В заключение можно сделать вывод о том, что с осени 2013 г. (украинский кризис, затем новая фаза антитеррористической кампании на Ближнем Востоке) ситуация в Черноморско-Каспийском регионе значительно обострилась. Афганистан и Ирак оказались только верхушкой айсберга «войны с международным терроризмом», поскольку главным приобретением Соединенных Штатов и их союзников по НАТО стало военное присутствие на границах России и Ирана, в самом «сердце» мусульманского Востока, на пересечении важнейших транспортных путей. С приходом в Белый дом Барака Обамы по целому ряду причин, из-за сплетения политических и экономических противоречий, американский «рывок на Восток», проникновение на Каспий, важнейшую геостратегическую точку, на которой сошлись интересы мировых держав – США, Китая и России и региональных государств – Турции и Ирана, спецслужб и транснациональных корпораций был приостановлен. Однако в настоящее время перед нами разворачивается новая мировая афера – США, Франция, Великобритания и некоторые монархии Персидского залива под видом борьбы с международным терроризмом приступили к фактическому расчленению Ирака и к новой фазе по смене режима в Сирии, которая подверглась неспровоцированной агрессии. Запад и некоторые арабские государства максимально заинтересованы и делают все для того, чтобы напра-

вить деятельность террористических исламистских организаций типа ИГ на север. Для России и ее союзников это означало, что после «решения вопросов» с террористическим халифатом – ИГ следующим направлением повышенной активности западной антитеррористической коалиции с большой степенью вероятности станет Кавказско-Каспийский регион. Это самым существенным образом затронет стратегические интересы и национальную безопасность России и ее союзников. Именно это обстоятельство, как представляется, стало побудительной причиной силовой поддержки режима Башара Асада Россией, направившей в Сирию своих военных летчиков для реального разгрома инфраструктуры ИГ на территории этой страны.

Литература

1. *Бобкин Н.* Россия – Украина: Взгляд из Тегерана // Российское информационное агентство «Иран.РУ». URL: http://iran.ru/news/analytics/92861/Rossiia_Ukraina_Vzglyad_iz_Tegerana (дата обращения: 17.10.2015).

2. *Демченко А.* «Арабская весна» и политика России в ближневосточном регионе // Сетевое издание Центра исследования и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». URL: <http://perspektivy.info> (дата обращения: 17.10.2015).

3. *Дзюба А.* Черноморская стратегия как пролог к мировой войне? // Электронное издание Фонда стратегической культуры. URL: <http://www.fondsk.ru> (дата обращения: 17.10.2015).

4. *Добаев И.П.* Дискурсивные практики геополитической идентификации России в условиях глобализации и регионализации // Информационно-аналитический портал «Геополитика». URL: <http://www.geopolitika.ru> (дата обращения: 17.10.2015).

5. *Добаев И.П.* Кавказский макрорегион в фокусе геополитических интересов мировых держав: история и современность. Ростов н/Д., 2007.

6. *Добаев И.П., Добаев А.И.* Терроризм и антитеррористическая деятельность в Российской Федерации. Ростов н/Д., 2011. С. 115.

7. *Колесников А.* США и Турция реализуют на Каспии концепцию передовых военных баз // Информационное агентство

References

1. *Bobkin N.* Rossiia – Ukraina: Vzgliad iz Tegerana // Rossiiskoe informatsionnoe agentstvo «Iran.RU». URL: http://iran.ru/news/analytics/92861/Rossiia_Ukraina_Vzglyad_iz_Tegerana (data obrashcheniia: 17.10.2015).

2. *Demchenko A.* «Arabskaia vesna» i politika Rossii v blizhnevostochnom regione // Setevoe izdanie Tsentra issledovaniia i analitiki Fonda istoricheskoi perspektivy «Perspektivy». URL: <http://perspektivy.info> (data obrashcheniia: 17.10.2015).

3. *Dziuba A.* Chernomorskaia strategiia kak prolog k mirovoi voine? // Elektronnoe izdanie Fonda strategicheskoi kul'tury. URL: <http://www.fondsk.ru> (data obrashcheniia: 17.10.2015).

4. *Dobaev I.P.* Diskursivnye praktiki geopoliticheskoi identifikatsii Rossii v usloviakh globalizatsii i regionalizatsii // Informatsionno-analiticheskii portal «Geopolitika». URL: <http://www.geopolitika.ru> (data obrashcheniia: 17.10.2015).

5. *Dobaev I.P.* Kavkazskii makroregion v fokuse geopoliticheskikh interesov mirovykh derzhav: istoriia i sovremennost'. Rostov n/D., 2007.

6. *Dobaev I.P., Dobaev A.I.* Terrorizm i antiterroristicheskaiia deiatel'nost' v Rossiiskoi Federatsii. Rostov n/D., 2011. S. 115.

7. *Kolesnikov A.* SShA i Turtsiia realizuiut na Kaspii kontseptsiiu peredovykh voennykh baz // Informatsionnoe agentstvo «Regnum».

«Регнум». URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/kazakhstan/1850239.html> (дата обращения: 17.10.2015).

8. *Николаев И.* Чего ждать Москве от смены власти в Кабуле? // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Столетие». URL: <http://www.stoletie.ru> (дата обращения: 17.10.2015).

9. *Панкратенко И.* «Украинская партия» Москвы // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Столетие». URL: <http://www.stoletie.ru/print.phd?ID=264370> (дата обращения: 17.10.2015).

10. *Панкратенко И.* Безопасность Каспийского региона и второй этап «международной войны с терроризмом» США // Интернет-представительство Общественного института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. URL: <http://www.bs-kavkaz.ru> (дата обращения: 17.10.2015).

11. *Сабиров И.* Штормовое предупреждение // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Столетие». URL: <http://www.stoletie.ru> (дата обращения: 17.10.2015).

12. *Фридман Дж.* Украина, Ирак и черноморская стратегия // Stratfor Global Intelligence. URL: <http://www.stratfor.com/weekly/ukraine-iraq-and-black-sea-strategy#axzz3CRH0cQgs> (дата обращения: 17.10.2015).

13. *Шлыков П.* Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны» // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». URL: <http://perspektivy.info> (дата обращения: 17.10.2015).

URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/kazakhstan/1850239.html> (дата обращения: 17.10.2015).

8. *Nikolaev I.* Chego zhdat' Moskve ot smeny vlasti v Kabule? // Setevoe izdanie Tsentra issledovaniy i analitiki Fonda istoricheskoi perspektivy «Stoletie». URL: <http://www.stoletie.ru> (дата обращения: 17.10.2015).

9. *Pankratenko I.* «Ukrainskaia partiia» Moskvy // Setevoe izdanie Tsentra issledovaniy i analitiki Fonda istoricheskoi perspektivy «Stoletie». URL: <http://www.stoletie.ru/print.phd?ID=264370> (дата обращения: 17.10.2015).

10. *Pankratenko I.* Bezopasnost' Kaspiiskogo regiona i vtoroi etap «mezhdunarodnoi voyny s terrorizmom» SShA // Internet-predstavitel'stvo Obshchestvennogo instituta politicheskikh i sotsial'nykh issledovaniy Chernomorsko-Kaspiiskogo regiona. URL: <http://www.bs-kavkaz.ru> (дата обращения: 17.10.2015).

11. *Sabirov I.* Shtormovoe preduprezhdenie // Setevoe izdanie Tsentra issledovaniy i analitiki Fonda istoricheskoi perspektivy «Stoletie». URL: <http://www.stoletie.ru> (дата обращения: 17.10.2015).

12. *Fridman Dzh.* Ukraina, Irak i chernomorskaya strategiya // Stratfor Global Intelligence. URL: <http://www.stratfor.com/weekly/ukraine-iraq-and-black-sea-strategy#axzz3CRH0cQgs> (дата обращения: 17.10.2015).

13. *Shlykov P.* Blizhnevostochnaia politika Turtsii v kontekste «arabskoi vesny» // Setevoe izdanie Tsentra issledovaniy i analitiki Fonda istoricheskoi perspektivy «Perspektivy». URL: <http://perspektivy.info> (дата обращения: 17.10.2015).